

книги

Франка Тилье

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Монреальский синдром

Гатака

Атомка

**ФРАНК
ТИЛЬЕ**

**АДСКИЙ
ПОЕЗД
ДЛЯ
КРАСНОГО
АНГЕЛА**

Санкт-Петербург

Посвящается Эстебану

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Дорогой читатель, созданию книги зачастую предшествует желание. Желание поведать какую-то историю, заново испытать острые ощущения, вдохнуть жизнь в порожденных воображением персонажей и одарить их роскошной судьбой. Существует мнение, что романист пишет истории, которые хотел бы прочесть сам, и, сдается мне, именно это подвигло меня в 2002 году впервые взяться за перо. После первого опыта — опубликованного в Интернете романа «Звериное сознание» — я принялся за повествование, благодаря которому за мной навсегда закрепится слава автора чернухи, не оставляющей места надежде. Вышедший в крошечном издательстве «Rail noir» роман «Адский поезд для Красного Ангела» — это результат года поисков, изучения документов и тяжелого писательского труда. Роман затрагивает темы, о существовании которых я прежде даже не догадывался, а они, оказывается, очень даже существуют с изнанки нашего общества. Там, куда лучше бы не соваться... Трудности, встретившиеся мне на пути написания книги, несколько не тормозили моей работы, скорее наоборот. Лихорадочное желание писать стало таким обжигающим, что через четырнадцать месяцев я уже заканчивал «Комнату мертвых». Это жесткий, суровый, затрагивающий социальную проблематику рассказ и одновременно выражение признательности северу Франции, где я живу. Это произведение заставило меня решительно осознать, что я уже никогда не брошу писать. Во мне поселился вирус.

Через полтора года после своего рождения Шарко, этот беспокойный персонаж романа «Адский поезд для Красного

Ангела», все никак не мог оставить меня в покое. Я ощущал его вот тут, в себе, он настойчиво взывал ко мне, как призраки, что приходят тревожить своих близких. И тогда я подумал: «Ну что же, вперед!» Шарко гуманен, но очень суров. Хорошо бы придумать для него достойную историю, закрутить дьявольскую интригу, которая подвергла бы испытанию на прочность его наиболее стойкие качества. И наиболее уязвимые. Именно так я написал «Медовый траур», уже опубликованный в «Rail noir» в 2006 году; в 2008-м он был напечатан в «Роquet».

Таков контекст книги, которую вы сейчас держите в руках. Прежде чем вы погрузитесь в нее и ощутите первый озноб от шелеста ее страниц, хочу предостеречь вас: реальность зачастую превосходит вымысел.

Франк Тилье

ПРОЛОГ

Теплые потоки летней грозы с неистовством обрушиваются на скользкие мостовые Старого Лилля. Вместо того чтобы искать укрытия, я слежу за пробирающимися между плитками охряной черепицы струйками воды, за жемчужно-серебристыми каплями, повисающими на водосточных трубах, чтобы, оторвавшись, плясать в моих ушных раковинах. Мне нравится вдыхать запахи старого кирпича, чердаков и чуланов. Здесь, среди бесшумно лопающихся пузырьков воды, все напоминает мне о Сюзанне. Я поднимаюсь вверх по улочке, которая, точно коридор времени, ведет меня к ней. Я сворачиваю за угол, на улицу Солитер, и непреодолимая сила втягивает меня в бар «Немо». Я заказываю светлого бельгийского пива. Тлеющие угольки красным пламенем вспыхивают в глубине глаз хозяина заведения, их отсветы будоражат воспоминания, приводят их в движение, пока не всплывут в сознании, казалось бы уже умершие, моменты жизни. Он поджимает губы. Похоже, эта умственная гимнастика дается ему нелегко. Думаю, он узнал меня.

Одиннадцать вечера. Уставившись в слепящий глаза экран электронного будильника, я беспокойно ворочаюсь в постели. Ощущение пустоты в том месте постели, где должна быть Сюзанна, заставляет меня встать и набрать ее номер. Я слышу бесцветный женский голос автоответчика. Прижав стиснутую в кулак руку к губам, я звоню в научную лабораторию, где она работает. Ночной охранник говорит, что она ушла час назад. От Л'Э-ле-Роз до нашей пятикомнатной квартиры в Вильжюиф десять минут ходу...

— Мы знакомы? — поинтересовался хозяин заведения, взгляд которого тонул в моем бокале.

— Нет, — односложно ответил я, унося свое пиво к уединенному столу в укромном уголке кафе, откуда полумрак выдавил весь свет.

Снаружи, под защитой тента, прижимаются друг к другу влюбленные. Длинные золотисто-каштановые волосы девушки развеваются на ветру, как бахрома, которой иногда украшают велосипедный руль. Оба в молчании прислушиваются к шуму дождя; говорят лишь их бережные движения. В девушке я узнаю Сюзанну, какой она была двадцать лет назад, однако, поразмыслив, понимаю, что мне повсюду мерещится Сюзанна, какова бы ни была девушка, сколько бы ей ни было лет...

Страх сжимает мне горло, как удавка убийцы. Я знаю, они бродят везде, эти садисты с длинными ножами, эти насильники, нападающие на пожилых дам и детишек. Я посмотрелся на них в кабинетах Судебной полиции на набережной Орфевр. Безупречно причесанные, они сотнями проходили перед моими глазами со своими аккуратно повязанными галстуками. Они выползают на улицы как паразиты, они так ловко смешиваются с темнотой, что становится почти невозможно уловить их запах. Ненавижу их и буду ненавидеть всю жизнь.

В подвале, на паркинге, при виде разлетевшихся по земле мелких стеклянных осколков я едва справляюсь с приступом тошноты. Камера наблюдения разбита. Она свисает на электрическом шнуре неподвижным безмолвным свидетелем худшего. Я торопливо иду к тридцать девятому месту. В тишине бетонного склепа отчетливо слышен лишь звук моих шагов... Крошечный кусочек металла раздирает мне сердце, точно разрывная пуля: возле стены валяется невидимка, вроде тех, какими Сюзанна обычно закалывает волосы у висков. Я бегу по подземному паркингу, задыхаясь, поднимаюсь по лестнице, обследую площадки, в последней надежде защититься от того, чего так боюсь, стучу в двери жильцов. Наконец хватаю телефон и набираю номер Центрального управления поиска пропавших без вести. Злобный голос отвечает, что сегодня уже слишком поздно...

Я познакомился с Сюзанной здесь, в этом кафе, среди клубов табачного дыма и непрерывного шума голосов военных, приписанных к Сорок третьему пехотному полку. Оказалось, что мы оба из района горнопромышленного бассейна. Наша одежда впитала запахи шахтерских поселков, а обувь покрывала угольная пыль. Родители воспитали нас в безрадостном и тусклом ощущении бедности, хотя обладали самыми прекрасными сокровищами души. Обожаю эти бурые земли, их простых и великодушных обитателей. А теперь, когда Сюзанна больше не спит у меня под боком, кажется, люблю их еще больше.

Где-то там, в глубине, какая-то неумолимая частица моего сознания неустанно нашептывает мне, что она мертва, что после стольких месяцев и всех этих скорбных дней иначе и быть не может...

Прошло полгода, а я по-прежнему ищущую свою жену. Она часто навещает меня во сне. Она спускается откуда-то сверху, опережаемая ароматом своих духов. Они, словно детские ручки, гладят мне волосы. Но всякий раз, стоит нам встретиться взглядами, из ее глаз сыплются бритвенные лезвия, с губ и носа срываются тонкие, как соломинки, змеи, а из зияющей на груди раны исходит смрадный дух смерти.

Взяв сумку, я достаю из кармашка мобильник в надежде, что меня не ждет в нем никакого сообщение, которое могло бы лишить меня последнего дня отпуска.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мой шеф, окружной полицейский комиссар Мартен Леклерк, просил меня срочно вернуться на набережную Орфевр. Обнаружено зверски изуродованное тело без признаков жизни...

Длинный Мартен Леклерк весил, наверное, едва ли больше пустой пачки из-под чипсов. Из-за почти полного отсутствия плоти у него под кожей так сильно проступали сосуды, что он мог бы привлечь к своей персоне всех вампиров планеты. Один вид этого персонажа поезда-призрака усиливал впечатление от его хлестких речей, и, насколько мне известно, никто никогда не осмеливался перечить ему. Ни разу я не видел, чтобы кто-нибудь из прошедших через его руки подозреваемых покидал кабинет хотя бы с тенью улыбки.

— Комиссар Шарко, это дело дурно пахнет, — заявил он мне, постукивая по папке карандашом. — Преступление совершено способом, далеким от классического. Черт возьми, эти убийцы хуже вируса! Одного завалишь, эстафету подхватывает другой, в два раза хуже первого. Взять хотя бы чуму или оспу, холеру или, наконец, испанку. Зло словно подпитывает себя за счет собственных поражений.

— А может, расскажете мне о жертве?

Шеф предложил мне жвачку с хлорофиллом. Я отказался. Он принялся шумно жевать, его скула под выступающей на правом виске веной — настоящая автотрасса! — нервно задвигалась, готовая все сокрушить.

— Мартина Приёр, тридцати пяти лет, убита в собственном доме. Ее муж, нотариус, в прошлом году скончался от опухоли мозга. Она получила в наследство кучу всего, включая кругленькую сумму, на которую была застрахована его

жизнь. И жила в сельской тиши на проценты с капитала. С виду совершенно обычная молодая женщина.

— Мечь или кража, принявшая дурной оборот?

— Совершенно очевидно, что преступник следовал какому-то необычному ритуалу, его метод, похоже, исключает мечь. Разбирайся, потом расскажешь... Она живет... жила в уединенном месте, что явно не облегчит расследования.

Он выплюнул резинку в пустую пепельницу и сразу захихнул в рот следующую.

— Решено передать дело в Центральное управление судебной полиции. После покушений в Штатах и Тулузе, после шаек вроде «Экспедиторов» и других шутников, наши драгоценные умные головы не желают, чтобы страна стала тренировочной площадкой для всяких отморозков! Мы получили «добро» от прокурора Республики. Следственным судьей назначен Ришар Келли. Ты его знаешь. Симпатягой его не назовешь, но ты не стесняйся и добивайся от него чего положено.

Он бросил на письменный стол карту:

— Встречаетесь в Фуршерэ. Тебя там ждут Сиберски, Кромбе и комиссар соседнего городка. Найди мне его поскорей...

— Не крутовато ли для Сиберски? От него, как вам известно, в сто раз больше толку за компьютером, чем на месте преступления.

— Поверь мне, Шарк, это убийство его слегка расшевелит...

Миная лес Эрменонвиля, я ощутил, как ослабла хватка бетонных щупалец столицы. За Санлисом я выехал на автостраду 330, затем свернул на 113-ю и, проделав добрую сотню километров, окунулся в нереальное спокойствие Фуршерэ. Перед моим взором, словно на вырванной у времени пожелтевшей старинной фотографии, солнце заливало волнами золотистого света скирды соломы. Последний день роскошного лета, начало обещающей быть теплой осени...

Городок словно погружен в бдение над гробом. Узкие улочки пустынно. Следуя по карте, после трех межевых столбов в чистом поле, где даже коровы были редкостью, я добрался до особнячка Мартины Приёр. Специалисты научно-технического подразделения полиции корпели над предполагаемыми отпечатками протекторов, осколками стекла или следами обуви, а инспекторы из Центрального управления впряглись в щекотливую и нудную работу по опросу соседей. Предъявив караульному свое трехцветное удостоверение, я у самого входа присоединился к двум офицерам из криминальной полиции, стоявшим возле похожего на ожившую кеглю для боулинга комиссара Бавьера. Холодные стелактиты страха туманили блеск его глаз. Он сразу напомнил мне пузатого заправщика с бензоколонки посреди поля с ветряками где-нибудь в самом сердце Штатов. После краткой процедуры приветствий я приступил к делу:

— Итак, комиссар, что мы имеем?

Прежде чем заговорить, Бавьер прокашлялся. Ледяные тиски ужаса сжимали ему горло.

— Тело Мартины Приёр без признаков жизни обнаружено разносчиком газет Адамом Пирсоном сегодня в пять тридцать утра. Входная дверь была распахнута настежь, но свет выключен. Он покричал, затем вошел, не дождавшись ответа, обеспокоенный, по его утверждению, тишиной и темнотой. По-прежнему окликая хозяйку, он поднялся по лестнице. Там он ее и увидел...

Нахлынувший шквал жутких мыслей прервал его доклад.

Я вернул его к прерванному рассказу:

— Прошу вас, комиссар, продолжайте...

— Мои люди прибыли на место первыми, затем к ним присоединились специалисты из научно-технического подразделения, судмедэксперт и ваши инспекторы. Вынос тела произведен около полудня.

— Так поздно?

— Сейчас вы поймете почему... Пойдемте.

Он собрал носовым платком слой жирного пота, залепившего ему виски. Точно сочащееся из гамбургера и жареной картошки масло...

«Бедолага с бензоколонки...»

Бавьер добавил:

— Боже мой... даже без трупa спальни вполне сгодится для следующего фильма Уэса Крэйвена¹.

Лейтенант Кромбе вышел из дома, чтобы руководить расследованием на улице, в частности опросом соседей. Поднимаясь по лестнице, я спросил Сиберски:

— Ну что, разберемся?

— Комиссар Бавьер прав. Я такого никогда не видел. Даже по телику...

Я все испробовал. Прыгал с парашютом, на тарзанке, катался на самых жутких ярмарочных аттракционах, бешено гонял на мотоцикле. И все же ничто не потрясает меня так, как отражение сцены преступления на сетчатке моего глаза. До сих пор затрудняюсь выразить, что воздействует на меня до такой степени. Может, страх или попросту свойственный человеку рефлекс, не дающий ему возможности выносить образ страха в его самом ошеломляющем проявлении.

Я никогда не рассказывал Сюзанне об этих кровавых взрывах, оставляя их при себе как самые черные страницы книги моего бытия. Приходя домой чаще всего поздно вечером, я старался, едва переступив порог, абстрагироваться от своей дневной жизни. Но нам никогда не избавиться от сорняков, пока мы выдергиваем их по стебельку.

И каждую ночь, стоило моему рассудку пуститься в плавание по волнам сновидений, на берег сходила тяжелая кавалерия кошмаров, чтобы до завтрашнего утра вести наступление на меня. И моя семья страдала от этого, как страдают все семьи, в которых работа преобладает над чувствами...

¹ Уэсли Эрл «Уэс» Крэйвен (Wesley Earl Craven; р. 1939) — американский кинорежиссер, продюсер, сценарист. Культовый режиссер фильмов ужасов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

В центре комнаты, в изменчивом сумеречном свете подрагивали восемь стальных крюков, подвешенных к собранному у основания в пучок шнурам. Конструкция напоминала зловещий детский развивающий коврик. Ее подъем, соответственно вместе с насаженной на металлические крючья массой, осуществлялся при помощи пропущенного через сложную систему узлов и блоков более толстого шнура, свисающий сверху конец которого был кольцами свернут на полу. Отвердевшая плоть тела, которое я представлял себе подвешенным, должна была лопнуть, словно перезрелый плод, и под каждым бугорком фрагментов еще вздувшейся разорванной кожи поблескивали искрящиеся капельки. Красноватые брызги, словно созданные творческим порывом, до самого потолка веером разлетелись по западной стене, как будто кровь пыталась спастись бегством из наводящего ужас собственного тела.

Фотограф из технического подразделения прервал свою кропотливую работу, чтобы доложить мне о первых результатах осмотра:

— Обнаженное тело жертвы было подвешено в двух метрах от пола на крюках, пронзивших кожу и часть спинных и ножных мышц. Два крюка на уровне лопаток, два — на уровне поясницы, два — на задней поверхности бедер и два в лодыжках. Помимо этого, жертва была связана пятнадцатью метрами нейлонового шнура, да такими мудреными переплетениями, что так просто и не объяснить. Сами увидите на фотографиях и видеозаписи.

— В каком состоянии было тело?

— Судмедэксперт обнаружил на теле, от груди до ступней, и на руках, включая кисти, сорок восемь резаных ран. Нанесены, по всей вероятности, фрезой или чрезвычайно остро заточенным ножом. Голова лежала на кровати, лицом к собственному телу. Предположительно отрезана электроплой. Об этом свидетельствуют полосы, оставленные от вращения режущей поверхности. Убийца обложил череп не-

сколькими простынями, соорудив некое подобие чепца или капора...

Я присел возле кровати, мои глаза оказались на уровне матраса. Справа от меня стена, словно красными слезами, забрызганная засохшими каплями крови...

— Голова располагалась с этой стороны?

— Совершенно верно. Судмедэксперт подтвердит. Однако, похоже, глаза были вырваны из орбит, а затем вставлены на место таким образом, чтобы направить зрачки в потолок. Чтобы рот оставался открытым, между верхней и нижней челюстью были в качестве рычагов просунуты два куска дерева. Множество мелких надрезов соединяли губы с висками. Судмедэксперт также обнаружил ушиб в затылочной части черепа; это позволяет предположить, что жертва была оглушена или убита сильным ударом.

Светящиеся лучи заходящего солнца продолговатыми ранами пробороздили стены. Горечь переполняла меня. Притаившийся в темноте демон, свирепый зверь, жаждущий жестокости, в непроницаемых пеленах ночи вершил свой страшный ритуал, оставляя за собой только скорбную землю, разоренную и спаленную его яростью.

— Имело ли место изнасилование?

— На первый взгляд, нет. Следов пенетрации не обнаружено.

Неожиданно. Как оплеуха наотмашь. От спальни на сто верст разило сексуальным страданием. Обнаженная, связанная жертва, истязания... а изнасилования не было?

— Вы уверены?

— Это требует подтверждения... Однако никаких видимых признаков пенетрации.

Я обернулся к Сиберски:

— Есть ли следы взлома?

— Нет. Дверной замок, а также окна не несут никаких следов повреждения.

— Что удалось обнаружить вне дома?

— Наши люди нашли одну улику за лавровым кустом. Раздавленную раковину улитки и множество растоптанных насекомых: муравьев, крошечных паучков. Что позволяет предположить, что убийца сидел там в засаде.

— Ладно. Посмотрим, что покажут соседи. Что еще?

— Все данные в компьютере Приёр стерты. Невозможно получить доступ хоть к какой-нибудь информации. Жесткий диск отправлен в лабораторию.

— Интересно. А чем нам смогли помочь специалисты научно-технического подразделения?

Я заметил, что комиссар прислушался. Пот корками засыхал на его напоминающем сахарную голову затылке. Отвратительный, как гниющая на солнце помойка.

— Невидимого тут видимо-невидимо, — заметил технический специалист. — Повсюду отпечатков — как на Лурдской Богоматери. На спинках кровати, на комод, на полу, на рамах. Зато мы не обнаружили ни волос, ни волокон или фрагментов кожи ни под ногтями жертвы, ни где-либо еще.

Свернутым в трубочку пластиковым пакетом для вещдоков он указал на металлический мобиль:

— Сооружение, при помощи которого ее истязали, — шнуры, блоки, крюки — отправится в лабораторию, как только я закончу детальное описание места преступления.

— Прекрасно. Каковы твои первые выводы, Сиберски?

Лейтенант воспользовался заданным ему вопросом, чтобы, приблизившись ко мне, отвести свой нос подальше от резкого запаха, исходившего от комиссара Пузана.

— Убийца с особым тщанием подготовил место преступления. Уединенно живущая, не состоящая в браке жертва, в момент его вторжения пребывающая в одиночестве. Он не скупился в выборе орудий. Дрель, болты, штыри, шнуры... Короче, полный набор для того, чтобы оборудовать себе «игровое поле». Громоздкий инструментарий, что подтверждает исключительность данного преступления. Ритм его вторжению задавали организованность, контроль и точность.